

А.А. Пелипенко

Этот смутный призрак культуры

Аннотация: В статье затрагиваются темы: общенаучных позиций автора, современного состояния культуры, глобального культурно-цивилизационного кризиса современности, культурной динамики и трансформации ментальных типов, а также ключевых тенденций культурного развития. Главная идея связана с обоснованием положения о фундаментальной смене макрокультурных парадигм и переходе культуры как эволюционирующей системы в новое качество.

Ключевые слова: культура, кризис, парадигма, сознание, ментальность, логоцентризм, эволюция.

1. По своему мировоззрению, равно как и по методологической парадигме, я убежденный эволюционист (разумеется, не в смысле эволюционистской школы XIX в.). В смыслогенетической теории культуры, разработкой которой я занимаюсь более 20 лет, концепцию эволюции можно тезисно сформулировать так. Эволюция культуры встраивается в глобальный процесс системной эволюции Вселенной, образуя в нем одно из промежуточных звеньев. Эволюция культуры, не имея (как и все другие эволюционирующие системы) конечной цели, имеет лишь направленность, устремленную к реализации всех потенциальных форм своего существования. При этом эволюция культуры направляется 4-мя глобальными, трансцендентными по отношению к каждой из эволюционирующих систем эволюционными векторами, выраженными в наращивании: сложности, дифференцировании, самости (субъектности) и сжатия темпов и пространства эволюционирования. Нелинейность эволюционного движения связана с его двунаправленностью: горизонтальной и вертикальной. Горизонтальная эволюция – путь вписания эволюционирующих форм в среду: адаптация и специализация. Вертикальная эволюция – скачковый прорыв на стадияльно следующий уровень самопроявления глобальных эволюционных векторов, не только не совпадающий по своей направленности с задачами адаптации форм, но и, как правило, им противоположный – «перпендикулярный». Локальные прорывы вертикальной эволюции происходят на внутрисистемных уровнях. Глобальные – создают сопряжения между системами: материнскими и дочерними [1].

Что касается феномена научной истины, то здесь я придерживаюсь срединной позиции, избегая крайностей как свойственной традиционному сциентизму доктрины «объективной истины», с одной стороны, так и постмодернистского релятивизма, с другой. Моя позиция близка постнеклассическим подходам, отбрасывающим претензии на «объективное» и

«окончательное» знание и удовлетворяющееся построением проверяемых и работающих моделей в локальных (региональных) масштабах.

Объединяю вопросы 2, 3 и 4. Современное состояние культуры (если понимать ее широко, а не как сферу попечения соответствующего министерства) я понимаю как кризисное. При этом налицо признаки кризиса не структурного (каковых было в истории множество), а системного. Приходят к истощению заложенные в 1 тыс. до н.э. основания культурного бытия, связанные с принципами логоцентризма, монизма, духовного трансцендентализма, логического рационализма.

В подводном течении кризиса – феномен своеобразного «правополушарного реванша»: господствовавшее на протяжении всей логоцентрической эпохи левополушарное мышление уступает место мышлению правополушарному. Присущие логоцентрической парадигматике онтологизм, линейно-каузальные дискурсы, метафизика, презумпция Истины, жесткий дуализм в сочетании со стремлением к монизму, логицизм и прочее, претерпев в проекте Модернити глубокую и необратимую эрозию, уступают место постлогоцентрическому типу сознания, которое имеет смысл определить как Новую естественность. Этот тип ментальности перекликается «через голову» логоцентризма с мифоритуальным сознанием доосеовой эпохи, хотя, разумеется, повторяет его характеристики не напрямую, а на следующем витке спирали развития. Это преимущественно правополушарный, феминно-инфантильный тип когнитивности, мыслящий целостно, симультанно, ситуативно. Этнокультурную основу нового ментального типа составляют выходцы из евро-атлантического ареала и Азиатско-тихоокеанского региона. Ментальность и культурные ориентации «людей Цифры», отмечены всеохватным релятивизмом, в том числе, и моральным, ситуативностью, прагматизмом, расфокусированностью ценностей и т.д. Новой естественности чужда презумпция Должного, парадигма служения, стратегическое планирование и вообще любого рода проекты по воплощению каких-либо идеалов. Она мыслит *ad hoc* и озабочено лишь текущим положением дел. Принцип Новой естественности включает в себя, помимо всего прочего, невмешательство в имманентную диалектику иного, что практически означает: не мешать умирать нежизнеспособному. К примеру, с позиций Новой естественности, международные конфликты следует не гасить, а локализовать. Пока манихеи-логоцентрики не навоюются, примирить их невозможно. С варваром следует говорить по-варварски, т.е. на единственно понятном ему языке силы. Следует признать неизбежность, подчас даже необходимость вооруженных конфликтов и социального насилия как вполне естественного способа разрешить противоречия между субъектами определенного типа – даже если ради того придется пожертвовать такими священными коровами, как «Всеобщая декларация прав человека» и представлением о войне как о преступлении. В реальной политике понимание этого, вроде бы, уже есть. Но в отсутствие адекватной идеологии оно высказывается как-то анекдотически стыдливо, под лукавым прикрытием двойных и тройных стандартов [2].

Генеральная тенденция современной культуры – эрозия и смерть всех логоцентрических форм культуры и соответствующих им дискурсов. Это не значит, что они бесследно исчезнут; в культуре редко что исчезает до конца. Но они явственно вытесняются с главенствующих позиций. Инертному и некритичному сознанию эта смена тектонических слоев культуры представляется вселенской катастрофой и гибелью культуры вообще. Именно так во все времена вписанный в ту или иную культурную традицию субъект воспринимал ее закат. Но, несмотря на масштаб кризиса, апокалиптические стенания неуместны: «просто» на смену одной макрокультурной парадигме приходит другая, во многом чуждая и непривычная.

Любая эволюционирующая система имеет две крайние точки своего воплощения: «отличники» эволюции и «ренегаты». Отличники – носители предельно выраженных эволюционных качеств. Для логоцентрической системы, в этой роли оказалась культура (и цивилизация) ислама. А в роли ренегатов – те, кто, доведя набор неких эволюционных качеств до возможного предела, выходят в своем развитии за пределы установленного системного качества – западные европейцы и затем носители всей евро-атлантической общности [3].

Культура ислама как наиболее глубоко и узко специализированная логоцентрическая культура, которая не случайно господствовала в средиземноморье в зрелом средневековье – золотом веке логоцентризма, сейчас находится в самом тяжелом и невыгодном положении. Как и все отличники эволюции, она в принципе не трансформативна, оттого ее агрессивная нетерпимость к стремительно меняющемуся миру, в который она войти не способна (обойдусь без «политкорректных» оговорок).

Западная культура, стоявшая в авангарде эволюционного фронта последние 500 лет, обнаружила свое «ренегатство» по отношению к логоцентрической макропарадигме лишь к концу конце XX в., что и было осознано как системный кризис. И дело здесь не в постмодернистской критике философского логоцентризма, а в том, что вектор движения всей Западной культуры выводит ее за пределы того системного качества, в котором она формировалась и пребывала, начиная с античной эпохи. Впервые в истории наблюдается кризис не социоцентрической, а антропоцентрической, «персоналистской» культуры.

Тема системного кризиса современной культуры необъятна. Вот лишь один штрих. Человек всегда был существом антиэкологическим. Его разлад со своим экосом осевая революция и ее последствия довели до критического уровня. «Гуманистическая» установка на любовь к ближнему и продление жизни нежизнеспособному с неизбежностью приводит к вырождению – природу не обманешь! Либеральный гуманизм презумпировал самоценность и самодостаточность каждой отдельной личности. Задайся подобной презумпцией природа, экологический баланс вмиг пошел бы вразнос, ибо каждый вид ничем не был бы сдержан в своем экстенсивном размножении. Да и все клетки просто превратились бы в раковые. Именно к такому развитию событий толкает мир дошедшая до крайнего антропоцентризма Западная цивилизация, перенося на носителей до- и антиличностных культур свои нормы, ценности и стандарты. Притом, совершенно неважно, с какой целью – во имя принципов гуманизма или ради собственной выгоды. Пока что, однако, до сознания не доходят даже простые истины, вроде тех, что нельзя навязывать архаику формы современной парламентской демократии или в ультимативном порядке требовать отмены смертной казни в стране, где цена человеческой жизни сопоставима с ценой патрона. А ведь развитие ситуации заставит, и очень скоро, пойти гораздо дальше. Дай бог, если обновленный социал-дарвинизм окажется в XXI в. идеологией самой жесткой.

5. По мере угасания логоцентристской макросистемы все более заметны предпосылки новых культурно-цивилизационных центров. Возникнуть они могут, разумеется, в ареалах нового синтеза культурных систем Запада и Азиатско-тихоокеанского региона. Географически и культурно они изначально были максимально разведены: прямые и устойчивые контакты между ними начались не ранее XVI века. Как раз это условие для синтеза самое благоприятное. Цивилизации, сформировавшиеся на основе Восточного христианства и ислама, напротив, в культурном отношении наиболее близки. И мир традиционного ислама, и сходящая с исторической сцены Россия [4] могут создать центры логоцентрического сопротивления (что будет иметь серьезные исторические

последствия), но никак не новые культурно-цивилизационные центры постлогоцентрической системы.

Самый общий прогноз на будущее таков: генеральный фронт, подспудно определяющий характер пресловутого «столкновения цивилизаций» пройдет и уже проходит между нисходящей линией логоцентризма и восходящей линией Новой естественности. При этом неизбежен раскол западной цивилизации на консервативную часть, до конца цепляющуюся за логоцентрические ценности: религиозные, социальные, политические и пр., и динамическую, входящую в новый культурно-цивилизационный синтез. Второй и в обозримом будущем доминирующей стороной этого синтеза выступает наиболее «продвинутая» часть обществ Азиатско-тихоокеанского региона. При этом широкомасштабные деструкции, сброс и расчистка культурно-цивилизационного поля неизбежны. Новообразованной общности Новой естественности противостоит мир отступающего логоцентризма во главе с исламским фундаментализмом и его осознанными или стихийными союзниками, к каковым, по всей вероятности, относится и стремительно деградирующая Россия. (Речь идет не о единстве символов или тактических задач, но о глубинном родстве мировоззрения и структуре ценностей.) Эта линия логикой развития мирового культурно-цивилизационного процесса обречена на поражение. Важно, что конфликт будет происходить в режиме все более размытых рубежей – не между обществами, а внутри их самих, вплоть до микросоциального уровня.

Означенные фронты прочертят новые конфигурации идентичности, не отменяющие прежние, но перекрывающие их: образ жизни, структура потребления и главное, ментальная конституция будут объединять и, соответственно, разъединять людей поверх этнических, религиозных и государственных идентичностей [5]. А кризис всех имеющихся на сегодняшний день форм социального устройства, включая представительную демократию, может привести, не исключено, к принципиально новому понимаемой меритократии.

Впрочем, этот необязательный прогностический этюд не претендует на статус фатального пророчества. Это всего лишь возможность, которая вытекает из анализа тенденций. И пессимизм этого прогноза можно компенсировать убежденностью в несбыточности любых прогнозов.

Анализ перспектив подсистем культуры: традиционной, специализированной, массовой и др. требует отдельного разговора, который следует начать с определения на этот счет методологических позиций смыслогенетической теории. А это требует более широкого формата статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пелипенко А.А. Культура и смысл // Пелипенко А.А. Избранные работы по теории культуры. М.: Согласие-Артём, 2014.

[2] Пелипенко А.А. Глобальный кризис и судьбы Запада. М.: Знание, 2014.

[3] Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: URSS, 2010.

[4] Коль скоро Россия упустила все исторические шансы сойти с имперской колеи, то ее ждёт незавидная судьба всех идеократических империй в истории.

[5] Показательно в этой связи исчерпание конструктивной роли национальных государств и заметная тенденция к территориально-политической регионализации.

© Пелипенко А.А., 2014

Статья поступила в редакцию 10 июля 2014 г.

*Пелипенко Андрей Анатольевич,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Московского психолого-социального университета
e-mail: demoped@yandex.ru*